

Не менее последовательно, чем хронологическое, Х. Пыррев соблюдает и второе принятое им ограничение — национально-территориальное: очерк охватывает разработку проблем болгарской грамматики исключительно в трудах болгарских ученых. Думается, однако, что книга только выиграла бы от привлечения работ зарубежных, в частности, русских и советских болгаристов. Трудно, например, представить себе полную картину развития глагольного вида в болгарском языке без учета монографических исследований советского слависта Ю. С. Маслова. И уж если самому обзору можно только пожелать большей полноты охвата грамматических концепций, то приложенная к очерку библиография в этом отношении просто непоследовательна. В эту библиографию включены и отдельные работы иностранных авторов (в том числе издаваемые за пределами Болгарии), но подбор их весьма произволен. Включена, скажем, книга Е. В. Чешко «История болгарского склонения» (М., 1970), но отсутствуют одновременно с ней вышедшие исследования И. К. Бунинной об истории болгарских глагольных времен и М. Г. Рожновской о синтаксисе прилагательных в болгарском языке. Указан «болгарский» выпуск «Кратких сообщений Института славяноведения АН СССР», но не упоминается фундаментальный сборник «Вопросы грамматики болгарского литературного языка» (М., 1959). Следовало бы, на наш взгляд, расширить библиографию и за счет некоторых работ болгарских ученых, в частности, типологических штудий И. Лекова, важных для развития не только славянского, но и собственно болгарского языкознания. Встречаются в книге и досадные технические погрешности. Так, первый том «Истории болгарского языка» Б. Цонева вышел в 1919, а не в 1921 году (с. 17). На с. 72 текста есть ссылка на статью того же автора (позиция 338а), но в библиографии этот номер вообще отсутствует, равно как и упомянутая на с. 46 под номером 413 работа А. Теодорова-Балана.

Указывая на эти недостатки, нельзя забывать, что книга Х. Пыррева — первый подобного рода опыт в болгарской лингвистике. Надо надеяться, что «Очерк истории болгарской грамматики» сослужит добрую службу всем тем, кто занимается изучением и преподаванием грамматики родственного нам славянского языка.

Б. Ю. Норман

Пр а н а с Г р а ж и с. Достоевский и романтизм. Вильнюс, «Мокслас», 1979, 171 с.

Не так далеко время, когда о романтизме писали мало и робко. Сейчас романтизм и комплекс связанных с ним вопросов — далеко не целина. Однако остается много неясного и неисследованного. И прежде всего — это вопросы

развития романтизма в период расцвета критического реализма.

П. Гражис вносит много нового и интересного в истолкование данной теоретической проблемы. Связывая появление того или иного литературного направления с определенными историческими условиями, он признает исключение за реализмом и романтизмом, которые, возникнув в определенных условиях, не ушли в прошлое вместе с вызвавшей их эпохой, так как в их основе — общечеловеческий характер мироощущения. Искусство доромантических художественных систем так или иначе определялось особенностями политических, философских, нравственно-этических, эстетических взглядов эпохи. С романтизмом дело обстоит несколько иначе. «Романтическое художественное творчество воплощает в себе представления о мире, непосредственно отражающие неконкретные социально-идеологические и прочие формы бытия общества своей эпохи. Оно выражает сферу жизни сознания (личности, общественных групп, народов), разочаровавшегося в социальных порядках, в философских и познавательных теориях, в идеологии и нравах; сознания, противопоставившего себя порядкам объективного мира и устремленного к иным идеалам, отвечающим его потребностям» (21). Таким образом, романтическое искусство связано со взглядами на мир, не нашедшими еще своего претворения в жизни, хотя и сформировавшимися под влиянием жизненных импульсов.

Пафос романтизма — в своеобразном отчуждении от внешнего мира, бунте против него и устремленности к идеальным формам бытия и человеческих отношений. И даже тогда, когда жизнь выдвинула на первый план исследование конкретных явлений объективного мира, отношения человека к действительности иногда принимали романтический характер. О специфике романтизма в период развития критического реализма писали многие исследователи, но в книге П. Гражиса эти мысли получили исключительную теоретическую доказательность. Научная постановка проблемы «Достоевский и романтизм» — результат четкой разработки данного вопроса.

Несмотря на большие успехи в изучении творчества Достоевского в последнее десятилетие, проблема соотношения реалистического и романтического образного отражения в его творчестве остается наименее разработанной, хотя и одной из актуальнейших. Монография П. Гражиса — первое серьезное исследование этой темы. Романтические тенденции в творчестве Достоевского-реалиста рассматриваются на всех уровнях: художественного метода, содержания, поэтики. Автор сосредоточил внимание на самом важном — характере миропонимания Достоевского, вскрыв в нем основу как для реалистической, так и романтической образности. Во всех компонентах метода (предмете изображения, концепции человека и среды,

рациональном и интуитивном началах в человеческом познании, эстетическом идеале и характере образного мышления) прослеживаются романтические тенденции, что и обусловило специфику содержания и структуры произведения.

У Достоевского центр тяжести переносится с обстоятельств на человека, на которого ложится вся ответственность за неустроенность жизни. Отсюда сосредоточенность на исследовании внутреннего мира, сферы, по мнению Белинского, специфически романтической. Характеры создаются на реалистической основе, психические процессы достаточно мотивированы, но в то же время Достоевский оставляет за собой право конструировать их в соответствии со своими идеалами и в зависимости от требований и задач, которые он ставит перед собой.

Специальный раздел работы П. Гражиса посвящен социально-этической утопии Достоевского. Как и другие исследователи, в частности Н. И. Пруцков, П. Гражис в патриархальной утопии писателя видит не только реакционный смысл, но и гуманистические начала, диктуемые страстным стремлением преобразовать мир по законам добра и справедливости. В книге дается и новый поворот темы: связь социально-этической утопии с романтическим осмыслением мира. Самый же значительный материал (при рассмотрении связи идейно-эмоци-

онального содержания в художественном мире Достоевского с романтизмом) обнаруживается в творческом осознании проблемы бунта против основ «мира божьего» и характера бунтарей. Убедительно и интересно проводится сопоставление Раскольникова, Ивана Карамазова, Ипполита Терентьева, Кириллова с героями Байрона, Шелли, Мицкевича, Лермонтова.

П. Гражис дает интересную интерпретацию некоторых характеров, в частности, Мышкина. В противоположность существующим трактовкам этого образа как реалистического, или же созданного по законам и реалистического и романтического искусства, автор доказывает преимущественно романтическую основу характера, во-первых, в связи с преобладанием субъективного начала в творческом осмыслении жизни, а, во-вторых, недостаточной мотивированностью характера обстоятельствами.

Объем монографии, видимо, не позволил рассмотреть ряд других моментов сближения Достоевского с романтизмом. Так, заслуживает теоретического осмысления глубоко личное, проникновенное отношение писателя, как и романтиков, к художественной традиции прошлого, в частности к эпохе Возрождения. В целом же своеобразие миропонимания Достоевского исследовано в книге П. Гражиса глубоко и интересно.

Н. В. Головки